

УДК 930.2

doi:10.21685/2072-3024-2021-4-10

Российская и украинская деревня в годы «великого перелома»: история и память

И. Е. Кознова

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

i.koznova@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* Длительное время в СССР замалчивался насильственный характер коллективизации, запрещались любые упоминания о голоде 1932–1933 гг. Однако вопреки запретам и цензуре народная память о событиях тех лет и о репрессиях власти сохранялась. Именно она повлияла на индивидуальную и коллективную идентичность позднесоветского, а затем и постсоветского общества в России и Украине. Отмеченное позволяет выявить ключевые моменты памяти, взаимодействие двух ее типов – коммуникативного и культурного. *Материалы и методы.* Основным источником являются воспоминания сельских жителей и горожан – бывших крестьян, российских и украинских граждан, а также эмигрантов. Они позволяют представить в русле социально-исторической антропологии образы прошлого и переживания людей. *Результаты.* Показано формирование ретроспективного взгляда на «великий перелом» в России и Украине. *Выводы.* Память о коллективизации в российском и украинском селе имеет одно основание, свидетельствующее об общности судеб крестьянства, оказавшегося под сильным репрессивным давлением советской власти. Основным транслятором памяти являются семейные и родственные связи. В России она включена в контекст памяти о советском прошлом. «Национализация» истории в Украине закреплена в памяти о голоде.

Ключевые слова: память, СССР, Россия, Украина, коллективизация, раскулачивание, голод

Финансирование: статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № № 21-011-43016 «Философско-культурологический анализ интернационализма советского проекта в его историческом и художественном осмыслении на примере аграрной политики 1918–1937 годов в России, Казахстане и Украине».

Для цитирования: Кознова И. Е. Российская и украинская деревня в годы «великого перелома»: история и память // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 114–126. doi:10.21685/2072-3024-2021-4-10

Russian and Ukrainian villages during the “Great Turning Point”: history and memory

I.E. Koznova

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

i.koznova@mail.ru

Abstract. *Background.* For a long time the violent nature of collectivization was hushed up in the USSR, any mention of the hunger of 1932–1933 was prohibited. However, despite the prohibitions and censorship, the people’s memory of those years events and the repressions of the authorities was preserved. It was memory who influenced the individual and

© Кознова И. Е., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

collective identity of the late Soviet and then post-Soviet society in Russia and Ukraine. This allows us to identify the key moments of memory, the interaction of its two types – communicative and cultural. *Materials and methods.* The main source is the memories of rural residents and townspeople-former peasants, Russian and Ukrainian citizens, as well as emigrants. They allow us to present images of the past and people's experiences in line with socio-historical anthropology. *Results.* The formation of a retrospective view of the "Great Turning Point" in Russia and Ukraine is shown. *Conclusions.* The memory of collectivization in the Russian and Ukrainian villages has one basis, which testifies to the common fate of the peasantry, who found themselves under strong repressive pressure of the Soviet regime. The main translator of memory is family and kinship ties. In Russia, it is included in the context of the memory of the Soviet past. The "nationalization" of history in Ukraine is fixed in the memory of the hunger.

Keywords: memory, USSR, Russia, Ukraine, collectivization, dispossession, hunger

Acknowledgments: the work was performed within a RFBR project No. 21-011-43016 "Philosophical and cultural analysis of the Soviet project internationality: historical and art reflection on the agrarian policy in 1918–1937 in Russia, Kazakhstan and Ukraine".

For citation: Koznova I.E. Russian and Ukrainian villages during the "Great Turning Point": history and memory. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities.* 2021;(4): 114–126. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-4-10

В советской идеологизированной трактовке коллективизация представлялась важнейшей составляющей строительства социализма в условиях обострения классовой борьбы и позиционировалась как добровольный массовый переход единоличного крестьянства к коллективному труду на обобществленной земле, ставший частью транслируемого в массовое сознание революционного исторического нарратива. Сама коллективизация и подобная ее трактовка имела своих приверженцев на селе как в России, так и на Украине. Однако в действительности аграрная политика советской власти в 1928–1933 гг., имевшая цель включения крестьянства в командную экономику, характеризовалась широким применением администрирования, принуждения и насилия. При этом информация, а также память об этом и особенно о голоде оказалась в СССР под запретом. Тем не менее вся последующая история Советского Союза вплоть до момента его распада стала временем состязания памяти и забвения о событиях «великого перелома».

Еще в начале 1960-х гг. группа историков во главе с В. П. Даниловым, включавшая И. Е. Зеленина, Н. А. Ивницкого и других, предприняла попытки преодоления связанных с коллективизацией «закрытых зон» в историографии и коллективной памяти общества. А спустя тридцать лет благодаря их усилиям, введению в научный оборот многочисленных рассекреченных архивных документов, развертыванию фундированных научных исследований, в том числе в рамках международных проектов, советская аграрная политика рубежа 20–30-х гг. XX в. предстала своей истинной стороной – эскалацией командно-административных и репрессивных методов воздействия на деревню, ответом которой было активное сопротивление [1–3].

Историография в той или иной мере фокусирует в себе общественное сознание, но, являясь выражением и проявлением культурной памяти, в свою очередь способствует его формированию. Вместе с тем разработка мемориальных аспектов «великого перелома» как специального направления

исследований, нацеленных на изучение взаимодействия и взаимовлияния культурной и коммуникативной памяти, началась сравнительно недавно, чему в немалой степени способствует активно развернувшийся с конца 1980-х гг. сбор воспоминаний сельских жителей и горожан – бывших крестьян [4–9]. В частности, проведен анализ памяти российских крестьян в широком контексте отношений власти и крестьянства [6]. Ряд публикаций посвящен осмыслению «великого перелома» в произведениях художественной литературы [10, с. 372–383; 11]. Применительно к Украине внимание исследователей сосредоточено главным образом на теме голода – Голодомора в исторической памяти украинского общества [12–14]. Голодомор, рассматриваясь в стилистике «украиноцентризма», трактуется в версии «геноцида» украинского крестьянства [15–18]. Вместе с тем данная тема нуждается в дальнейшем изучении, в частности в аспекте взаимодействия индивидуальной и коллективной памяти в исторической динамике, выявлении общего и особенного в конструировании памяти о коллективизации в России и Украине. Настоящая статья ставит целью частично восполнить данные пробелы.

Будучи вытесненной из официального коммуникативного пространства, зачастую не артикулируемая, память, тем не менее, проявляла себя. Информация так или иначе циркулировала в стране и за ее пределами: поступала за рубеж по дипломатическим каналам и через журналистов; передавалась посредством слухов и фольклора; на ее распространение влияли разного рода миграции сельского населения – спонтанные или принудительные, эмиграция.

Возможно, быстрее всего отреагировала на события «великого перелома» художественная литература. И в первую очередь следует упомянуть А. Платонова и его сатирическую повесть «Впрок (Бедняцкая хроника)», опубликованную в журнале «Красная новь» в 1931 г. и прочитанную самим Сталиным. Последний в своем письме в редакцию вынес вердикт повести – «развенчание колхозного движения» – и автору, назвав того «вражеским агентом», после чего писатель подвергся многолетней травле. Действительно, Платонов развенчал идею «всемирного СССР» с ее лозунгом «колхозы есть судьба всемирного трудящегося крестьянства» [19].

«По горячим следам» коллективизация изображалась и в романе М. Шолохова «Поднятая целина». Хотя и в смягченном виде, в нем представляли сцены раскулачивания умных, грамотных хозяев, проступало скептическое отношение народа к колхозам, его запугивание властями. Напомним, что Шолохов без обиняков сообщал Сталину о беззакониях в станицах; позже он кратко упоминал о голоде в сборнике 1940 г. к 60-летию вождя.

Критическое описание коллективизации и ее последствий, прежде всего гибели национальных культур – украинской и русской, было дано в произведениях эмигрантов. В повести «Марія», написанной в Праге в 1933/34 г., У. Самчук представил читателю образ уничтоженной московскими большевиками цветущей Украины и ее трудовой основы – крепкого крестьянства [20]. Позже, в 1961 г., оставшийся на Западе после плена В. Барка написал роман «Жовтий князь» («Желтый князь»), в котором, повествуя о голоде на Украине, показал силу духа обычной крестьянской семьи единоличников. Роман был переведен на русский язык и опубликован с предисловием Ю. Черниченко в 2001 г. [21].

Лидер «Крестьянской России» С. С. Маслов на основе рассказа молодого русского крестьянина опубликовал в 1937 г. в Берлине книгу о колхозной России; спустя 80 лет она была издана в Москве. В книге коллективизация показана не имевшей смысла и оправдания катастрофой [22]. Образ разоренного и голодного колхозника – крепостного батрака – представил Т. К. Чугунов, для которого более страшного кошмара российская деревня не переживала со времен татарского нашествия [23].

Тема насильственной коллективизации, голода, подневольного труда в колхозах, репрессий стала важной частью нацистского пропагандистского дискурса в годы оккупации советских территорий. Наиболее последовательно и многопланово он был развернут в Украине. При этом в ряде аспектов была очевидна политическая инструментализация темы, что проявилось в акцентировании внимания на украинских жертвах, особых страданиях украинского народа в годы советской власти, использовании тезиса о целенаправленном уничтожении украинцев (как этноса) и украинского крестьянства, проецировании нацистских антисемитских стереотипов на проблему голода и возложении ответственности на трагические события 1932–1933 гг. не только на правящий режим, но и на евреев [24]. Многие из этих аспектов нашли художественное выражение у У. Самчука и В. Барки.

Тема была продолжена бывшими гражданами СССР, преимущественно выходцами из Украины, оказавшимися в эмиграции по завершении Второй мировой войны. В частности, как событие, послужившее депривации сельского населения, рассматривали коллективизацию и колхозную жизнь беженцы из СССР, интервью с которыми составили материалы «Гарвардского проекта» [25]. Тогда же за рубежом был опубликован ряд воспоминаний эмигрантов. Другие, главным образом выходцы из крестьян южных и западных территорий Российской империи и СССР, стали известны позднее, особенно благодаря усилиям А. И. Солженицына [26]. Большой интерес представляют написанные на рубеже 40–50-х гг. XX в. в США воспоминания Д. Д. Гойченко (1903–1993), изданные впервые на языке оригинала (русском) в России в 2006 г. Автор, родом из крестьян, принадлежал к партийно-советской номенклатуре, был репрессирован, скрывался, после войны оказался в эмиграции. Хорошо представляя ситуацию начала 1930-х гг. в Украине, Гойченко отразил настроения и поведение руководителей разных рангов, сельских активистов, крестьян. Приводил случаи отречения от родителей во имя мировой революции. Им была подробно описана технология выкачки «именем народа» хлеба у крестьян; показана, как тесная опутанность села родственными связями, глубокая осведомленность сельчан друг о друге, использование обиды на советскую власть у тех, кто защищал ее в революцию, доверчивость детей, написавших классную работу «Где мои папа и мама прячут хлеб», использовались для выполнения плана хлебозаготовок и раскулачивания [27].

Отметим присущий воспоминаниям о «великом переломе» упор на новую реальность сельской коммуникации – шепот-пошепки, а больше – молчание («а сказать тогда боялись, молчали»; «молчала всю жизнь»). И все же оно было условным: информация и память о травмирующем прошлом передавалось на уровне семейной памяти; упоминания об этом – практически общее место меморатов.

По свидетельству сына военного переводчика, участника Великой Отечественной войны Н. А. Коваля (1922–2000), тот начал свою автобиографическую повесть «Прокрустово ложе, или Дорога в рай» о коллективизации и голоде в Украине на рубеже 1940–1950-х гг. Живя в Калуге, он печатал текст на папиросной бумаге ночами, дважды уничтожал рукопись. В перестройку пытался отдать ее в «толстые» журналы, но получал отказы. В сокращенном варианте она была опубликована в журнале «Грани» в 1996 г., а позже по рекомендации А. И. Солженицына полностью и с измененным названием – в издательстве «Русский путь». Н. А. Коваль описал, как середняцкую семью единоличников местные активисты, приклеив к ним презрительную кличку «индусы» и подчеркнув тем самым их второсортность, довели до полного разорения и края физической гибели [28].

В конце 1960-х гг. мастер-гравер фабрики «Трехгорная мануфактура», уроженец с. Кузьмино Московской губернии А. Г. Моисеев (1899–1972) написал для семьи очерк о селе, но один экземпляр был передан в ГИМ. Будучи очевидцем коллективизации, критично оценивая и с болью описывая пережитое в те годы, Моисеев отвел ей основное место в очерке, назвав «драмой русского народа, а особенно крестьянства», «беспощадной ломкой всех коренных многовековых устоев в жизни крестьянства», по степени разрушительного воздействия на народную жизнь сравнимой с нашествием Батые. Упомянул он и о «просящих милостыню беженцах с Украины, которые спасались от искусственно вызванного голода, последовавшего от беспощадной расправы с хлебобородами, осмелившимися противиться вступлению в колхоз» [29, с. 95–97].

Даже будучи выражением официального видения событий, память допускала обмолвки. Так, идеологически выдержанные воспоминания активистов коллективизации в Средне-Волжском крае, написанные в начале 1960-х гг., отражали жесткий характер хлебозаготовок, представляли впечатляющую картину крестьянского противодействия, прежде всего на религиозной почве, затрагивали тему голода [6, с. 178–186].

Сохранение памяти о крестьянских истоках России и конкретно о коллективизации связано с «деревенской прозой», обратившейся к теме вымирающей деревни и – шире – гибели православной цивилизации как главному результату «великого перелома» [10, с. 372–383; 11]. М. Алексеев, написавший о голоде в поволжской деревне автобиографическую повесть «Драчуны», позже назвал 1933 г. геноцидом.

В поддержании памяти о крестьянском прошлом велика роль фольклорных и историко-этнографических экспедиций. Многие из того, что официально замалчивалось, находило выход в слове, адресуемом интервьюеру. Еще в середине 1970-х гг. старожилы кубанских станиц рассказывали сотрудникам Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника об изъятиях хлеба и голоде [6, с. 208–213]. Показательны и материалы фольклорных экспедиций на территории Псковской, Смоленской, Калининской и Витебской областей (1971–1989). Старые крестьянки допускали, что собиратели фольклора могли быть не в курсе событий начала 1930-х гг.: «Вы ж, можа, не знаете, что это – раскулачили? Которые хозяины хорошие, тых и раскулачивали – забирали у них все»; «Налоги давали невыносимые... насильно гнали в колхоз... Многие померли с голоду...».

Характерны и трагические признания, сродни приговорам: «Пока колхозы устанавливали, наши наших убивали – как траву косили»; «Мног издевались наши над нашими»; «Хуже войны было». Русские крестьяне подводили итог «великому перелому»: «Как в колхоз пошли, так и петь перестали...»; «Все в землю закопали: как мы гуляли, как мы танцевали, как мы пели» [30].

Существенному пересмотру и переосмыслению официальный взгляд на коллективизацию подвергся в годы перестройки, активизировалась и память о ней в обществе. Для памяти характерно ностальгическое восприятие единоличного хозяйствования, апология его трудового начала («трудились от зари до зори» – «трудилися від зорі до зорі»). Неграмотность, темнота и забитость крестьян, пьянство, доходившие до поножовщины драки (в том числе на свадьбах), избиения мужьями жен и детей – варварство в разных его проявлениях, если и отмечалось, как, например, уроженкой Украины, эмигранткой Е. Эллис [26, с. 270–288], чаще оставалось в тени памяти. Как время хозяйственной свободы, сытости и изобилия, возможности «немного пожить по-человечески» воспринимался нэп: «До колхозов хорошо жили... Все так жили!»; «Жив при непі як людина, а при созі – як тварина». Память-ресентимент отражала чувство разочарования, обиды, обманутых ожиданий: «Когда Ленин объявил декрет, что земля государственная, крестьяне думали иначе: земля отбирается только у помещиков, а наша общественная земля наша была, наша и будет. В гражданскую воевали за землю против помещиков. А когда завоевали, их в колхоз загнали» [26, с. 218].

В памяти прежде всего проявилось, как по крестьянам прошелся тезис Сталина об обострении классовой борьбы. Мемораты передавали установку новой власти, позволяющую подчеркнуть спрессованность исторических событий и приоритеты в наступлении на деревню: «И вот стала советская-то власть,... раскулачивать стали» [4, 6–8, 26, 31]. Формула «великого перелома» была прозрачной: «Кто не хотел в колхоз, раскулачивали»; «Хто не захотів сразу ступити – той уже куркуль. Є пара коней, та віз, та корова – вже раскуркулюють». Принялись за самых трудовых крестьян, а раскулачивать «пришли из города в большом количестве». Память отмечала наступление на церковь, на Украине еще и сворачивание политики «украинизации», русификацию.

По отзывам, тяжелый процесс раскулачивания занял несколько лет. Непонимание и возмущение вызывал подход властей к разделению на кулаков и бедняков, установка на понятие «исторический кулак», то, что совсем недавно развитие индивидуальных хозяйств поощрялось. Именно крестьяне-«культурники» – грамотные, независимые в суждениях – одними из первых оказывались в числе репрессированных [32]. Необразованность и духовную нищету активистов раскулачивания характеризовал такой эпизод: в хате родителей А. Е. Дмитренко на одной из дверей другом отца был нарисован портрет Пушкина. И когда в начале 1932 г. их решили раскулачить, сказали: «Он точно кулак, у него боги на дверях». Активисты выкололи глаза на портрете, а семью выселили [8, с. 180–181].

Выставляя своих предков героями, память детей и внуков раскулаченных отмечала, что настоящий крестьянин «споконвічні хлібороби» – труженик везде. Так, деду уроженки Таврической губернии В. И. Котовой, после

того как у него все забрали из хозяйства и выгнали из хаты, удалось, обосновавшись в землянке на непригодной земле, вырастить немалый урожай овощей и бахчевых, купить улей. Когда деда вывезли в ссылку, он и там смог приспособиться, хотя позже все же умер [26, с. 357–360].

Пласт памяти, повествовавший о сопротивлении вступлению в колхоз, обобществлению, раскулачиванию, тоньше, чем можно судить по современным событиям документам. Это объясняется последующими репрессиями и страхом, тем, что большинство вспоминавших коллективизацию были в те годы либо молодыми людьми, либо детьми. Наибольший след в памяти оставили выступления женщин.

Одним из самых жестоких проявлений и последствий коллективизации стал для крестьян ведущих зерновых регионов голод – «ужасный» и «страшный». Для памяти 1933 г. казался нескончаемо долгим. Голод воспринимался как явление искусственное, цель которого заставить вступать в колхозы, а отбирали у всех – и у колхозников, и у единоличников: «...все зерно у нас вывезли. Подмотали все! Ничего здесь не оставили» (Поволжье) «Урожай был. Сделали голод» (Кубань); «Цей голод зробила влада» (Украина). И вместе с тем причины голода отыскивались не только в политическом: «Старые люди говорили: “Бог карает, что глумятся над Богом, кресты скидывают, храмы оскверняют, дети растут не крещенные. Вот Господь-Бог карает всех мором”» [8, с. 149].

Память отмечала запрет на сокрытие продуктов, атмосферу доносов и краж, поисков пищи. Но она хранила и многочисленные примеры поддержки родственниками друг друга. Голод порождает свои мифы о желаемом, о чуде, транслирующиеся памятью спустя десятилетия. Так, сельская жительница вспоминала, как раскулаченная якобы дошла до Сталина: «Не пускают, и вдруг выходит он сам: “Накормить и одеть эту женщину”. Правда ли это? А если бы все ездили к Сталину, неужели бы всем возвращали забранное?» [8, с. 203].

Проявления и масштабность голода, а также его временную динамику подтверждают два практически идентичных фольклорных текста: «В тридцать втором году ели люди лебеду, в тридцать третьем году стали падать на ходу» (Украина, запись 1942 г.) [24, с. 614]. «В тридцать третьем году Всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, Умирали на ходу». А также оксюморон «жили до смерти» (Россия, Поволжье, запись 1991 г.) [17, с. 511–513]. По воспоминаниям жительницы одной из станиц на Кубани, ее старая бабка никак не могла взять в толк, что такое колхоз, за которым ей виделось страшное и невозможное: если все общее, то как же хоронить-то? Парадоксально, жутко, но «страхи бабки» стали реальностью: умерших от голода людей действительно хоронили всех вместе [9, с. 70]. Символом таких похорон были большие крюки. Не менее парадоксальным выглядит вариант все той же жуткой реальности. Житель Харьковской области вспоминал, что он, тогда мальчик, и другие хлопчаки помогали закидывать на возы трупы умерших на улице людей и потом вывозить их для захоронения. Назад все возвращались, сидя на возу, и это катание было единственным утешением для него и его ровесников [33, с. 245].

Память крепко удерживала образы активистов раскулачивания и «хлебывыкачки», тех, кто забирал с «щупами» все до крошки-крихти, чья жестокость доходила до садизма. Негодование и боль вызывало участие «своих»,

сельских. Но ярче всего помнился облик «чужих», горожан с оружием, а также женщин в красных косынках и кожаных тужурках. Украинское мемориальное повествование – это прежде всего трагедия «моего», «нашего» народа; ярче, чем в российском, выражены антисемитские настроения. Виновники голода и основные враги Украины – не только партийно-советская верхушка во главе со Сталиным, и особенно «черный Лазарь» (Каганович), но и Москва как центр, откуда исходила угроза «многострадальной земле Украины», – все, кто говорил по-русски, от кого исходила нецензурная брань.

Построенные на контрасте культурной памяти города и деревни, российский и украинские мемораты показывали столкновение разных представлений и ценностей, официального исторического дискурса и повседневной колхозной практики, расценивающейся повсеместно как «второе крепостное право (большевиков)»: «В школе читали, как тяжело жилось во время панщины. А дома говорили, что наши отцы работают с восхода до заката в колхозе, а получают на трудодни граммы» [8, с. 151–152]. Народная память отмечала, что понятие родины и Отечества было чуждо городским агентам и их сельским сподручным. Например, тетю Е. Эллис обвинили в использовании наемного труда. Не подействовал довод, что муж погиб на Первой мировой войне, защищая родину. В свою очередь воспоминания показывали, что крестьянам были чужды идеи мировой революции, как, впрочем, и СССР. Советский Союз выступал прожорливым зверем, которому крестьянство было принесено в жертву: «Ничего не дали, ни еду, ни одежду, все отобрали для советского союза народа» [7, с. 252]; «Никому не оставлять зерна – Союз советский процветает хай...» [33, с. 232–236]. Но возможна и идентификация с Союзом по принципу контраста низкого/высокого ранга относительно доступности хлеба-жизни, как в частушке с Поволжья: «Дранку, барду, кукурузу – Советскому Союзу. А рожь, пшеницу Отправили на... за границу» [17, с. 508]. Понятие родины для крестьян было локальным, ассоциировалось с местами, где родились и выросли, где покоились предки.

Город в голод воспринимался двояко: как место средоточия голодающих в поисках еды и как враждебный сытый партийно-советский мир, которому не было дела до крестьян. Герой романа В. Барки «Желтый князь», увидев вывеску с надписью «Союзхлеб», крайне удивился: «Почему союзный? Так получается, что этот хлеб союза с севером, откуда поступают приказы: какой тут союз, если забрали хлеб, а ты умирай?» [21, с. 184]. Москва и Ленинград, служившие олицетворением СССР, вызывали чувство негодования и зависти: там было много всякого хлеба. Подобным образом в голод воспринималась и служба в армии. Отдельные семьи в селах выживали за счет шахтерского, рабочего хлеба. Ощущение СССР как огромной страны приходило, когда люди устремлялись на стройки пятилетки, в города и в совхозы, в другие республики. Рефрен воспоминаний В. И. Котовой – «бесконечные» тайные перемещения отца и семьи между Украиной, Белоруссией и Россией (и разными регионами последней) с целью спастись, избежать ареста и отправки в Сибирь. Отметим и другой аспект восприятия СССР. Младший брат отца Котовой работал фельдшером в Средней Азии. Их семье представлялось, что тому жилось там хорошо, поскольку «советская власть снабжала продовольствием и мануфактурой то узбеков, то грузин, то армян, а всю тяжесть и террор перенесла на русский народ», и отец написал брату письмо

с просьбой о помощи (тот помог вещами). Котова считала, что «советская власть об народе не заботилась, только вооружалась, чтобы сделать революцию во всем мире» [26, с. 363–378].

Условный адрес «Советский Союз», а чаще номер поселка и заключенного приобретали ссыльные. Все свидетельствовало о потере дома, привычной среды и традиций. О сложном переплетении отношений на поселении вспоминал К. Зайцев (Мурманская область): «Это переселенцы с разных окраин: Зайцевы – с Белоруссии, Ковалевы – с Украины, Гречкины – с Кубани, Смирновы – с Новгородской области и т.д. Страдания и лишения поселян сближали и разобщали. Мои родители и семья Гречкиных ютились в одной комнате. Часто ссорились, дрались. Не ладилось и в других семьях. Только взрослым осознаешь озлобленность “лишенцев”, всю глубину их горечи, насильно сосланных на Север, оторванных от своих мест, от крестьянской жизни» [34, с. 245].

На протяжении последующей после «великого перелома» истории СССР в народной памяти происходило становление единого, общего большого нарратива о событиях тех лет. В памяти прежде всего отразилось активное участие ОГПУ в проведении форсированной принудительной коллективизации и в раскулачивании, жестокость агентов власти, массовые репрессивные меры по отношению ко всему крестьянству, переживание голода и смертей родственников и односельчан. Память отмечала унификацию сельской хозяйственной практики, нивелирование региональных и национальных особенностей. Вместе с тем в России и Украине сложились разные дискурсы повествования о советском, формирующие культурную память российской и украинской наций, на что влияют политические события и государственная политика в области прошлого. В России память о трагедии советской деревни в коллективизацию (память-катастрофа) компенсирована памятью о Великой Отечественной войне (память-триумф). В Украине гораздо сильнее выражен ресентимент и виктимная версия «великого перелома» и связанного с ним голода; преобладает память-катастрофа. Отмеченное является одновременно и сильной, и слабой стороной мемориальной составляющей общественного сознания. Происходящая в России нормализация советского прошлого сопровождается постепенным уходом событий коллективизации на периферию коллективной памяти, при этом многие стороны сталинской эпохи так и остаются непроработанными памятью. В Украине коллективизации и особенно голоду придан статус национальной трагедии, однако игнорируются общие для обеих наций крестьянское прошлое и антикрестьянская политика власти.

Список литературы

1. Ивницкий Н. А. Репрессивная политика Советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М. : ИРИ РАН, 2000. 350 с.
2. Васильев В., Линн В. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 г.). Вінниця : ЛОГОС, 1997. 536 с.
3. Кондрашин В. В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М. : Политическая энциклопедия, 2014. 350 с.
4. Бердинских В. А. Крестьянская цивилизация в России. М. : Аграф, 2001. 427 с.
5. Историческая память населения Юга России о голоде 1932–1933 г. : материалы науч.-практ. конф. / сост.: Н. И. Бондарь, О. В. Матвеев. Краснодар, 2009. 455 с.

6. Кознова И. Е. Сталинская эпоха в памяти крестьянства России. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 464 с.
7. Лопатин Л. Н., Лопатина Н. Л. Коллективизация и раскулачивание (очевидцы и документы свидетельствуют). Кемерово : Аксиома, 2009. 445 с.
8. 33-й: голод: Народна книга-меморіал / упоряд.: Л. Коваленко, В. Маняк. Київ : Радянський письменник, 1991. 582 с.
9. Хубова Д. Н. Черные доски: TABULA RASA. Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 67–88.
10. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия) / под ред. Е. С. Строева. М. : Колос, 2001. С. 372–383.
11. Даренский В. Коллективизация в осмыслении русских писателей XX века. URL: <https://rusidea.org/250964711> (дата обращения: 07.08.2021).
12. Шаповал Ю. Історична пам'ять про Голодомор: втрата та віднайдення // Культура історичної пам'яті: європейський та український досвід. Київ, 2013. С. 142–166.
13. Огненко В. И. Визуальная культура памятников жертвам Голодомора в Украине // Институты памяти в меняющемся мире : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. СПб., 2013. С. 240–250.
14. Applebaum Anne. Red famine: Stalin's War in Ukraine. New York : Doubleday, 2017. 461 p. URL: <https://www.americanacademy.de/red-famine-stalins-war-ukraine/> (дата обращения: 07.08.2021).
15. Веселова О. М., Марочко В. І., Мовчан О. М. Голодомори в Україні 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947: Злочини проти народу. Київ : Інститут історії України НАНУ, 2000. 265 с.
16. Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В. В. Кондрашин. М. : РОССПЭН, 2011. 468 с.
17. Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. 2-е изд., доп. и перераб. М. : Политическая энциклопедия, 2018. 566 с.
18. Карнишин В. Ю. Историческая наука Украины в современных реалиях // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2021. № 1. С. 90–99.
19. Платонов А. Впрок (Бедняцкая хроника) // Государственный житель. Проза, письма. М., 1988. С. 198–250.
20. Самчук У. О. Марія: Хроніка одного життя. Київ : Радянський письменник, 1991. 187 с.
21. Барка В. Желтый князь : роман. Приложение: Царь-голод: Воспоминания, документы : пер. с укр. М. : Дружба народов, 2001. 351 с.
22. Маслов С. С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М. : Наука, 2007. 299 с.
23. Чугунов Т. К. Деревня на Голгофе. Летопись коммунистической эпохи: от 1917 до 1967 г. М. : Традиция, 2017. 409 с.
24. Пентер Т., Титаренко Д. Голод 1932–1933 гг. в пропагандистском и социокультурном дискурсе в Украине периода нацистской оккупации // 1929: «Великий перелом» и его последствия : материалы XII Междунар. конф. (г. Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.). М., 2020. С. 607–618.
25. Кодин Е. В. «Гарвардский проект». М. : РОССПЭН, 2003. 208 с.
26. Российская и советская деревня первой половины XX века. Взгляд из эмиграции. М. : Русский путь, 2009. 488 с.
27. Гойченко Д. Д. Сквозь раскулачивание и голодомор. Свидетельство очевидца. М. : Русский путь, 2006. 376 с.
28. Коваль Н. А. Крушиловка Тридцатого года : повесть / предисл. П. Г. Проценко. 2-е изд., доп. М. : Русский путь, 2010. 376 с.
29. Моисеев А. Г. Прошлое села Кузьмина. Хроника семьи Моисеевых / подгот. текста А. Е. Федорова. М., 1999. 209 с.

30. 60 лет колхозной жизни глазами крестьян / публ. Е. Н. Разумовской // Звенья : истор. альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 133–162.
31. Русская деревня в рассказах ее жителей / под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2010. 512 с.
32. Степанова Д. Горе горькое // Сельская молодежь. 1989. № 2. С. 16–20.
33. Чорні жнива. Голод 1932–1933 років у Валківському та Коломацькому районах Харківщини (Документи, спогади, списки померлих). Київ ; Харків ; Нью-Йорк ; Філадельфія, 1997. 368 с.
34. Шашков В. Я. Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000. 341 с.

References

1. Ivnitkiy N.A. *Repressivnaya politika Sovetskoy vlasti v derevne (1928–1933 gg.) = The repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933)*. Moscow: IRI RAN, 2000:350. (In Russ.)
2. Vasil'ev V., Linn V. *Kollektivizatsiya i krest'yanskoe soprotivlenie na Ukraine (noyabr' 1929 – mart 1930 g.) = Collectivization and peasant resistance in Ukraine (November 1929 – March 1930)*. Vinnitsya: LOGOS, 1997:536. (In Russ.)
3. Kondrashin V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoy pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.) = Grain procurement policy in the years of the first 5-year plan and its results (1929–1933)*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2014:350. (In Russ.)
4. Berdinskikh V.A. *Krest'yanskaya tsivilizatsiya v Rossii = Peasant civilization in Russia*. Moscow: Agraf, 2001:427. (In Russ.)
5. Bondar' N.I., Matveev O.V. (comp.). *Istoricheskaya pamyat' naseleniya Yuga Rossii o golode 1932–1933 g.: materialy nauch.-prakt. konf. = The historical memory of the population of the Southern Russia about the famine of 1932–1933: proceedings of scientific and practical conference*. Krasnodar, 2009:455. (In Russ.)
6. Koznova I.E. *Stalinskaya epokha v pamyati krest'yanstva Rossii = The Stalin era in the memory of the Russian peasantry*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2016:464. (In Russ.)
7. Lopatin L.N., Lopatina N.L. *Kollektivizatsiya i raskulachivanie (ochevidtsy i dokumenty svidetel'stvuyut) = Collectivization and dispossession (eyewitnesses and documents testify)*. Kemerovo: Aksioma, 2009:445. (In Russ.)
8. Kovalenko L., Manyak V. (comp.). *33-y: golod: Narodna kniga-memorial = 1933: famine: People's memorial book*. Kiev: Radyans'kiy pis'mennik, 1991:582.
9. Khubova D.N. Black boards: TABULA RASA. The famine of 1932–1933 in oral testimony. *Golod 1932–1933 godov = The famine of 1932–1933*. Moscow, 1995:67–88. (In Russ.)
10. Stroeve E.S. (ed.). *Mnogoukladnaya agrarnaya ekonomika i rossiyskaya derevnya (sere-dina 80-kh – 90-e gody XX stoletiya) = Diverse agrarian economy and the Russian countryside (middle 80s – 90s of the 20th century)*. Moscow: Kolos, 2001:372–383. (In Russ.)
11. Darenskiy V. *Kollektivizatsiya v osmyslenii russkikh pisateley XX veka = Collectivization in the comprehension of Russian writers of the 20th century*. (In Russ.). Available at: <https://rusidea.org/250964711> (accessed 07.08.2021).
12. Shapoval Yu. Historical memory on the famine: the loss is visible. *Kul'tura istorichnoi pam'yati: evropeys'kiy ta ukrains'kiy dosvid = The culture of the historical memory: European and Ukrainian experience*. Kiev, 2013:142–166.
13. Ognenko V.I. Visual culture of monuments to the victims of the Holodomor in Ukraine. *Instituty pamyati v menyayushchemsya mire: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. = Institutions of memory in a changing world: proceedings of an International scientific conference*. Saint Petersburg, 2013:240–250. (In Russ.)

14. Applebaum Anne. *Red famine: Stalin's War in Ukraine*. New York: Doubleday, 2017: 461. Available at: <https://www.americanacademy.de/red-famine-stalins-war-ukraine/> (accessed 07.08.2021).
15. Veselova O.M., Marochko V.I., Movchan O.M. *Golodomori v Ukraïni 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947: Zlochyni proti narodu = Famine in Ukrain 1921–1923, 1932–1933, 1946–1947: crimes against the people*. Kiev: Institut istorii Ukraïni NANU, 2000:265.
16. Kondrashin V.V. (ed.). *Sovremennaya rossiysko-ukrainskaya istoriografiya goloda 1932–1933 gg. v SSSR = Contemporary Russian-Ukrainian historiography of the famine of 1932–1933 in the USSR*. Moscow: ROSSPEN, 2011:468. (In Russ.)
17. Kondrashin V.V. *Golod 1932–1933 godov: tragediya rossiyskoy derevni. 2-e izd., dop. i pererab. = Famine in 1932–1933: the tragedy of Russian village. The 2nd edition, revised and supplemented*. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 2018:566. (In Russ.)
18. Karnishin V.Yu. Historical science of Ukraine in modern realities. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki = University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;(1):90–99. (In Russ.)
19. Platonov A. For the future (Poor chronicle). *Gosudarstvennyy zhitel'. Proza, pis'ma = State resident. Prose, letters*. Moscow, 1988:198–250. (In Russ.)
20. Samchuk U.O. *Mariya: Khronika odnogo zhittya = Mariya: the chronicle of one life*. Kiev: Radyans'kiy pis'mennik, 1991:187.
21. Barka V. *Zheltyy knyaz': roman. Prilozhenie: Tsar'-golod: Vospominaniya, dokumenty : per. s ukr. = The yellow prince: novel. Addition: Famine king: Memories, documents*. Moscow: Druzhba narodov, 2001:351. (In Russ.)
22. Maslov S.S. *Kolkhoznaya Rossiya: istoriya i zhizn' kolkhozov = Collective farm Russia: history and life of collective farms*. Moscow: Nauka, 2007:299. (In Russ.)
23. Chugunov T.K. *Derevnya na Golgofe. Letopis' kommunisticheskoy epokhi: ot 1917 do 1967 g. = The village on Calvary. Chronicle of the communist era: from 1917 to 1967*. Moscow: Traditsiya, 2017:409. (In Russ.)
24. Penter T., Titarenko D. Famine 1932–1933 in the propaganda and sociocultural discourse in Ukraine during the Nazi occupation. 1929: «*Velikiy perelom*» i ego posledstviya: materialy XII Mezhdunar. konf. (g. Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019 g.) = 1929: The “great turning point” and its aftermath: proceedings of the 12th International conference (Ekaterinburg, September 26–28, 2019). Moscow, 2020:607–618. (In Russ.)
25. Kodin E.V. «*Garvardskiy proekt*» = Harvard project. Moscow: ROSSPEN, 2003:208. (In Russ.)
26. *Rossiyskaya i sovetskaya derevnya pervoy poloviny XX veka. Vzgl'yad iz emigratsii = Russian and Soviet village of the first half of the twentieth century. A look from emigration*. Moscow: Russkiy put', 2009:488. (In Russ.)
27. Goychenko D.D. *Skvoz' raskulachivanie i golodomor. Svidetel'stvo ochevidtza = Through dispossession and famine. Eyewitness testimony*. Moscow: Russkiy put', 2006: 376. (In Russ.)
28. Koval' N.A. *Krushilovka Tridtsatogo goda: povest' = Downfall of 30s: novel*. 2nd ed., suppl. Moscow: Russkiy put', 2010:376. (In Russ.)
29. Moiseev A.G. *Proshloe sela Kuz'mina. Khronika sem'i Moiseevykh = The past of the village of Kuzmin. Chronicle of the Moiseev family*. Moscow, 1999:209. (In Russ.)
30. Razumovskaya E.N. (ed.). 60 years of collective farm life through the eyes of peasants. *Zven'ya: istor. al'manakh. Vyp. 1. = Links: historical almanac. Edition 1*. Moscow, 1991:133–162. (In Russ.)
31. Kasatkin L.L. (ed.). *Russkaya derevnya v rasskazakh ee zhiteley = Russian village in the stories of its inhabitants*. Moscow, 2010:512. (In Russ.)
32. Stepanova D. Bitter grief. *Sel'skaya molodezh' = Rural youth*. 1989;(2):16–20. (In Russ.)

33. *Chorni zhniwa. Golod 1932–1933 rokiv u Valkivs'komu ta Kolomats'komu rayonakh Kharkivshchini (Dokumenti, spogadi, spiski pomerlikh) = Black harvest. The famine of 1932–1933 in Valkiv and Kolomatsky districts of Kharkiv region (Documents, memoirs, lists of the dead)*. Kiev; Kharkov; New York; Filadel'fiya, 1997:368.
34. Shashkov V.Ya. *Repressii v SSSR protiv krest'yan i sud'by spetspereselentsev Karelo-Murmanskogo kraja = Repression in the USSR against the peasants and the fate of special migrants of the Karelo-Murmansk region*. Murmansk, 2000:341. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Ирина Евгеньевна Кознова

доктор исторических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
философии культуры, Институт
философии Российской академии наук
(Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12,
стр. 1)

E-mail: i.koznova@mail.ru

Irina E. Koznova

Doctor of historical sciences, associate
professor, leading researcher of the
sub-department of philosophy of culture,
Institute of Philosophy of the Russian
Academy of Sciences (building 1,
12 Goncharnaya street, Moscow, Russia)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию / Received 03.09.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 10.10.2021

Принята к публикации / Accepted 16.11.2021